

ЛЮБОВЬ СОКОЛ

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

рассказ

Всё было хорошо – семья как семья: отец, мать и сын. Родители работали, оба в каких-то фирмах. Жили в достатке. В относительном достатке. Думали жить ещё лучше. Мечтали – ещё пару лет, и могут позволить себе машину, а там и о новой квартире – более комфортабельной – можно подумать.

Но сейчас такая жизнь, что лучше ни о чём не мечтать. А уж строить многолетние планы вообще ни к чему. И ещё. Но сейчас такая жизнь, что, если хочешь остаться на работе (на хорошей, высокооплачиваемой работе), лучше молчать. Что бы ни видел, что бы ни делалось на фирме – молчи.

Максим знал это, но пришло время, не сдержался – заступился за одного хорошего сотрудника – отличного работника, отличного семьянина, в результате – оказался за бортом. Сократили, без выходного пособия. А того, за кого он заступался, оставили – будто в укор ему.

А тут и Мария оказалась за бортом – тоже по сокращению штатов. И опять могла бы остаться – выгодный работник: взрослый ребёнок, на больничном листе почти не бывает, в выходные, если надо, тоже потрудится на благо компании. Но под сокращение попала женщина, у которой двое маленьких детей. Той бы самой постоять за себя. А она в слёзы – что я буду делать, на что жить? Ну, Мария не сдержалась, влетела в кабинет начальника отдела со словами – да как вы можете? у неё малолетние дети! Начальник отдела только качнул головой – что ты, мол, дурочка, наделала?! А когда она поняла, что наделала, была уже на улице. Не любят у нас заступников. Да и что заступаться, если начальство итак знает, кого увольняет? И зачем? Плетью обуха не перешибёшь. Выгородишь кого другого – в немилости окажешься сам.

Марии ещё повезло – ей выдали выходное пособие. Нет, она могла бы обратиться в суд, и, скорее всего, победа была бы за ней. Но какой ценой? Её бы восстановили, но отношения-то испорчены. И, не дай Бог, прогорит фирма. На другую работу её уже не возьмут. Сключников у нас не любят, а она, по всем параметрам начальства, именно сключница.

Жизнь приняла иной оборот. Сначала лишились достатка, потом вообще сошли на нет. Жили кое-как, питались очень скромно. Стыдно было ходить в магазин. Что они могли позволить себе – макароны, картошку, ну и растительное масло, иногда молоко. А рядом стояли тележки, в которые бухали всевозможные банки, бутылки, колбасы, сыры.

Но держались. Изо всех сил.

Хуже всего было Егору. Дети, как никто другой, чувствуют настроение семьи, и не только чувствуют – воспринимают по-своему, и всё это читается на их лицах. Когда-то весёлый, открытый парень, потихоньку сникал – уже нет новых рубашек, джинсов, кроссовок, а тут сломался сотовый, и отец смог купить ему только дешёвый, а это больше всего удручало, даже бесило.

Дальше было хуже. Егор уже не мог позволить себе сходить на дискотеку – что там делать без гроша в кармане? А дальше и больше – не мог пригласить друзей домой – куда,

в эту нищету, где давно не пахло какой-то дорогой кулинарией, где царит хаос и смятение? – нет, лучше не надо.

Парень замыкался, грубел. Он стал изгоем общества. Его сторонились, а ему казалось – им пренебрегали, а порой и злорадно смеялись. Да, сейчас не любят неудачников. Хотя им может стать в наш тяжелый век любой и каждый. Но сейчас их время, они на высоте, а ты в низине, если не в самом низу.

Ругал, корил себя – когда-то и ты свысока поглядывал на бедных детей – а они были, а они есть, и они будут в любом классе – ибо это особый класс, и им сейчас всех тяжелее. Тебе бы помочь, приободрить, даже подружиться с кем-то из них – нет, ты был не из их числа, ты был на полголовы выше.

Всё в жизни предопределено, всё приходит вовремя. Каждый поступок, каждая мысль несёт свою энергетику. Как ты сегодня поступаешь с людьми, так завтра поступят с тобой. Умный понимает это, мудрый вообще не замечает неравенства – ибо все люди на Земле равны уже тем, что, будь ты трижды богатый и будь ты трижды бедный, каждый приходит в своё время, и каждый в своё время уходит. Ни от жизни, ни от смерти откупиться нельзя. Загадано человеку родиться – он придёт на этот свет и придёт в своём качестве – как был создан, как задуман, раскрыт, и придёт именно к тому, кому он предназначен. Одна женщина рождает, а ребёнок оказывается у других родителей – именно потому, что для них он и создан, для них пришёл в этот мир.

Также и со смертью – один всю жизнь копил добро, обманывая других, идя по головам. Одна вилла. Другая вилла. А там и жене, сыну кусочек земли с каким-то домиком прихватить. А что получается? А то, что в один прекрасный день он лишается всего этого – именно потому, что его время пришло, вернее, Время Смерти. И никакие деньги – даже баснословные, никакие виллы, никакое золото, даже бриллианты тут не помогут. Смерть не разбирает: бедный ты или богатый, она приходит и уводит за собой. И как же трудно умирать богатым, невероятно трудно! Как умирать?! Зачем?! Если всю жизнь копил, если всю жизнь холил и лелеял жизнь, если всю жизнь холил и лелеял себя? Нет! Нельзя! Никак нельзя! А это куда?! Виллы, машины..?

Нет, страшно умирать богатым. Ведь всё: и виллы, и машины он оставляет другим – пусть даже детям, внукам. А его не будет, его уже почти нет.

А любовницы уже отошли – только почуяли запах смерти, только увидели, что он уже одной ногой там. Они, что можно, взяли у него – для них есть и другие – более молодые (пусть даже и не более богатые) – зачем терять время на дряхлого старика.

И уходит он отгороженным – как сам не позволял себе добрых слов в отношении с женой и детьми (хватит с них денег!), так и они не питали к нему нежных чувств. Уходишь – уходи, освободи место другим.

Легче жить бедняку (по теперешним понятиям – середняку, это по отношению к богачам – бедняку) – приходит в мир бедным, трудится, живёт, печётся о своей семье и о своём любимом деле, и умирает бедным – и жаль ему только семью: жену, детей. И им очень жаль того, кто уходит от них – ибо он дал им богатство, несравнимое ни с золотом, ни с бриллиантами – он научил их жить и чувствовать жизнь. Такие люди идут по жизни или рабочими, своим трудом добывая хлеб, или же геологами, путешественниками, или же учёными, учителями, воспитателями, библиотекарями, врачами. К этой же категории относятся и люди искусства: писатели, художники, артисты. неброский достаток – зато души огромны и чисты, в них столько пламени и добра, что хватает не только на свою семью, но и на других людей.

Да, над такими людьми сейчас смеются, злорадствуют в глаза, выставя напоказ свои цепочки и перстни, скаля золотой рот. Но в душе те же богатые завидуют им – ибо эти люди неподкупны, ибо у них светятся глаза, ибо они несут себя настоящими хозяевами Земли – ибо они от земли, ибо пришли на этот свет не царствовать и повелевать, не казнить и миловать – они пришли творить свой мир, неповторимый, царственно-прекрасный. Эти люди умеют радоваться – новому ребёнку, другу. Эти люди умеют дарить. И подарки их весомы: это красоты мира, это любовь. А как они умеют радоваться и восхищаться – той же природой мира, её красотой. И бриллианты для них никогда не скудеют – это солнце, это море, это друзья.

Да, Небеса дали этой семье время – чтоб переосмыслить жизнь, чтоб высветить её приоритеты, чтоб задаться вопросом – как дальше жить? и с чем жить? Чтоб и других увидеть по-новому, чтобы увидеть их отношение к новому себе. Чтоб чётко осознать, что всё в мире соизмеримо.

Время не стоит на месте. Отца взяли на другую работу – организовывалось новое предприятие, нужны были дельные работники – люди, что не пасуют перед трудностями, что стоят горой за других, таких же надёжных.

Семья вздохнула – закончилось время трудностей и лишений.

Но жить всё равно нечем. Максим не стал просить аванс. Не хотел унижать себя, к тому же, нельзя сразу настраивать начальство против себя – ему надо было показать себя, и показать с лучшей стороны, а через унижение это сделать нельзя.

Мария понимала мужа, и сын понимал отца, они все понимали, что нужно время, чтобы вернуться на прежний курс жизни.

И всё равно уже гордая голова у сына. Гордость во взгляде – а это не скроешь, это видно сразу. И друзья вновь потянулись к нему, а может, и он к ним, кто знает.

И всё равно Егор ущемлён – уже тем, что не может, пока не может, сходить на дискотеку, а ещё больше тем, что не может пригласить друзей к себе домой. А так хотелось, так уж хотелось – соскучился по всеобщему веселью, юморным шуткам-прибауткам, просто по общению соскучился парень.

Но он держался. И не только держался, но и подбадривал родителей. Вставал бодрым, уходил бодрым и приходил тоже бодрым. Только иногда вздыхал – невольно, произвольно, и эти вздохи больше слов говорили о состоянии сына. Но после вздоха сын ещё больше распрямлялся – подмигивал этак заговорщицки: мол, ничего, зима да лето, переживём и это!

Он знал, что его время не за горами. Они все знали – им продержаться максимум неделю. После этого времени начальник отца сам предложит, даже не так – сам выпишет отцу аванс, и преподнесёт его как подарок за отличную работу. Значит, тем более молчать, тем более терпеть и делать вид, что у них всё хорошо.

Родители крепились – они воспрянули духом, они уже потихоньку строили планы на лучшую жизнь. «Во-первых, купим сыну новые брюки, куртку, рубашки», – эти слова для них сейчас были самыми важными – парень в одиннадцатом классе, а ни одной обновки за полгода. Так жалко сына – и даже сказать ему нельзя, что жалко его, что готовы вывернуться наизнанку, лишь бы ему помочь.

Трудно растить детей, гордых детей растить ещё труднее – зато потом как сладко душе – когда видишь, что ты создал, что ты подарил миру – той же избраннице, потом жене, тому же начальнику.

Но как сладить с этим сейчас?

«Хорошие мысли просачиваются в сознание Небес и озвучиваются» А вот и другие слова: «Что хочет женщина, то хочет Бог» – эти слова верны, эти слова действенны и верны. Больше всего хотела приподнять своих мужчин – обоих!– женщина: женщина-жена, женщина-мать. И Небеса снизошли до её мольбы. Да и о чём она просит – чтоб сытнее накормить семью?– это же мизер, это же так просто – так просто для Разума, для Небес.

Стечение обстоятельств – а стечение ли, а не предопределение Небес? Но так сложилось – муж попросил отыскать брюки – те брюки, что он давно не надевал, что валялись в каком-то дальнем ящике. Но пришло время надеть – да и брюки хорошие, даже обрадовался, что вспомнил о них. Мария отыскала брюки, машинально залезла в карман и обнаружила деньги – небольшие, но они так помогут им, они так им нужны.

Сказала об этом мужу – тот обрадовался, вздохнул всей грудью – теперь мы прорвёмся, уж теперь-то мы обязательно прорвёмся! А то уже возникала мысль – попросить этот проклятый аванс, не пухнуть же семье с голоду, а скоро это грядёт, быть может, завтра. А тут такое. «Да это же подарок Небес!» – только так он мог расшифровать находку жены. Протянул руку к деньгам (никогда так не тянул, всегда отдавал, дарил деньги семье и был счастлив), и Мария вложила в его руку деньги – не так много, но и не так мало, чтоб продержаться, не уронить себя. Пересчитал – да, и пересчитал – сколько там? хватит, нет? Мало, но всё же – хоть картошки купим, тех же окорочков, чуть яблок для жены – она так любит яблоки. Крохотные, непрехотливые желания, но как дороги они, как неоспоримы.

Сыну ничего не сказали. Да и говорить-то не о чем, порадовать сына нечем, если только более сытным обедом. Но это он увидит сам. А о большем пока мечтать рановато.

Рынок – тут только картошка, больше ни на что не смотрели. Но картошка, как по заказу, крупная, мясистая, чистая, без противных чёрных глазков, что ополовинивают клубень, да и красоты ему не прибавляют. Хотела чуть – на суп, а брала и брала: один пакет, второй, третий – только тут остановилась, только тут сказала себе – хватит!

– Куда столько?– удивился муж.

– Хочу картошки!– только и ответила жена. Хотя подспудно зрела мысль – радостная, счастливая. Но она прятала её – даже от мужа прятала.

Муж не стал противиться. Обида ожгла сердце – жена хочет картошки.– И ещё. – И не сказала ни разу.– Взмолился в душе.– Боже, если ты есть, помоги! Я больше не могу! У меня нет больше сил!– Душа вздохнула и улеглась.

«Супермаркет» – название-то какое! – увы, пока не для них. Им бы простенький магазинчик со свежим хлебом и окорочками, но где их теперь взять, особенно в городе, эти простенькие магазины? Вздохнула. Набралась сил. Ничего, грядёт то время, когда они будут заходить сюда как полноправные покупатели – набирать продуктов щедро и расплачиваться тоже щедро. Пока же (гордо неся голову) Мария (муж не пошёл, зачем унижать его?) глазами прошлась по прилавкам, (непринуждённо – это всё у неё есть!), выбрала шоколад (не утерпела, не хотелось унижать себя), потом отобрала яблок-любимых, как по заказу, зелёных, не вытерпела – взяла пять штук красных (гулять, так

гулять!) и отошла от фруктов. Так притягивал виноград, сочными боками соблазняла хурма, киви вопрошали – почему не берёшь нас, мы так хотим к тебе! Так же непринуждённо прошла к хлебобулочным изделиям и выбрала не хлеб – а ведь хотела именно хлеб, а тут будто нашёптывал кто – только батоны, вот эти, жёсткие, упругие, и больше, больше! Взяла два. И опять подсказка: ещё, ещё бери! Нет, опять мало, бери ещё! И она брала – пять батонов – куда это? – не знаю. Но уже знала, подсознательно зрела мысль, и пугала, и радовала – неужели? Я так хочу этого? Егорка! Егорка мой!

Есть ли ещё деньги? Мысленно просчитала – конечно, есть! Значит, колбаса для бутербродов. Что ещё? Снова просчитала – всё, лимит закончился, больше ни-ни. Да и не надо – ведь самое необходимое она взяла. Остались деньги, чтобы прожить ещё дня два. Уже идёт к кассе – довольная, счастливая – она всё взяла, и даже деньги остались. Но вот – нет, не всё! Не всё! – Что же? Что я забыла? – Селёдку? Ты забыла селёдку! А какая картошка без селёдки?!

И она чуть не бегом вернулась назад – лучезарная, ещё более счастливая – день сегодня выдался такой, он сделал её счастливой. И вот – чуть не забыла! Мне селёдки! Штук пять!»– и как же счастливо пело сердце, каким же счастьем откликалась душа, пока продавец взвешивала ей селёдку – жирную, пахучую, искрящуюся, переливающуюся как пять солнц, пять планет, что окружают её – она была на вершине счастья, она была на вершине блаженства.

Вышла из «Супермаркета» счастливая. Денег ноль – едва хватило на покупки (слава Богу, что хватило! – и тут подсказали Небеса), а радости – полные карманы! Только и сказала мужу – домой! быстро домой!– и они пошли пешком (на такси денег не было) к дому.

Вечер. Сын неспокоен. Устал быть отвергнутым, устал быть изгоем. Мечется из комнаты в комнату, пробует слушать музыку, опять выключает свой центр, просто лежит, просто не хочет жить. Родители молчат – не сказали ему ни о находке, ни о походе за продуктами – пусть попереживает, это тоже надо – хотя и жалко, страшно жалко сына.

Звонок. Сыну звонок – они чувствовали это, особенно мать – мать всё чувствует, если она настоящая мать. Сын взял трубку, сын недоумевает – к нему просят друзья, он ошеломлён, он не знает, что сказать. Мать поняла его, мать бодро сказала – приглашай друзей! И подмигнула этак заговорщицки, что означало – не дрейфь! И сын так же бодро – откуда гордость взялась – а прибегайте! да, да, все!– и как о чём-то решённом – жду!

И вот она, ватага парней – шумные, счастливые, будто и не было этой размолвки, будто и буря не шумела меж ними – заскочили, поздоровались, шумно так, весело: «Здрате, этому дому!» Разделись и прошмыгнули в комнату сына. И сразу веселье, сразу тарарам – молодёжь, такой она и должна быть, шумной, весёлой. Музыка – громкая, озорная, песни – бесшабашные, озорные и такие же бесшабашные, озорные голоса.

Сын прибежал на кухню – чем-то так вкусно пахнет? Чем это, а?! Мать кашеварит – в огромной кастрюле доваривается картошка – вкусная, ароматная, будто сто лет не ел, будто из прошлой жизни. На столе в двух больших тарелках разложена селёдка, а в середине стола – огромные яблоки в такой же огромной красивой вазе. А ещё бутерброды, кучи бутербродов в двух огромных тарелках.

– Ма, это что?!– аж задохнулся, дух перевести не может. А он-то переживал – чем кормить эту ораву? А если ничем, то ему каюк!

– Прости, сынок, что не сказала сразу.– Мать уже жалела сына, ещё больше жалела, что сразу не призналась. – Мы сегодня нашли деньги в старых папиных брюках. Вот и закупили всё это. – Улыбнулась – хорошей материнской улыбкой. – Я сразу, ещё в

магазине, решила – ты пригласишь ребят, устроим ужин. А они будто почуяли, сами напросились.

– Вот и хорошо, мама, что не сказала. Это ж так лихо, что они сами напросились! – Обнял, чмокнул в щёку.– Ну, мам, и чудо ты у меня!

– И ты чудо! Ещё какое чудо! – В душе же. – Селёдке рад.– Так больно, ужасно больно. Будто они работать не хотят, будто лодыри какие. А вот через что пришлось пройти, через что только не приходится пройти человеку.

Убежал сын – напоенный радостью, обласканный тёплыми словами. А мать ничего не может. Застыла посреди кухни, не шелохнётся. Хорошо, мужа нет. Зачем стеснять ребят, да и мешаться у жены под ногами тоже не след – просто вышел погулять, просто на час-другой испарился.

Но вот опомнилась Мария – что это я? ведь всё хорошо, всё уже хорошо? Но боль лишь чуть улеглась в глубине души – ещё не раз вернётся, время надо, чтоб отстала навек.

Музыка вывела из полузабытья. Но у неё же всё хорошо. У нас уже всё хорошо.

Да и в комнате сына стало стихать, а вот и совсем стихло – утомились ребята, пора сделать паузу. Мать выждала момент – чтоб не сразу, но и не опоздать (сын переживает), зашла в комнату и величаво так, непосредственно – а идёмте-ка ужинать! картошка стынет!

И вся орава устремляется на кухню (благо она, как по заказу, большая), где накрыт стол, где в центре стола огромное блюдо с дымящейся картошкой и два чуть поменьше блюда с уже очищенной, сбодрённой луком и постным маслом селёдкой. А вот и бутерброды – что ещё надо изголодавшейся ораве?– да ничего!

– Ура! Картошечка!– только и сказала орава, усаживаясь вразнобой за стол. И как же они ели, и как же они восхваляли картошку. И как же они восхваляли хозяйку дома, и как же они проникались уважением к другу, которого чуть не отвергли (ему казалось, чуть не отвергли). И из-за чего? – страшно подумать, из-за чего. Еда – она сплавливает нас (не вино, именно еда), она расслабляет и наполняет силой, она делает нас великодушнее и добрее – да здравствует еда! И только слышно было – Егор! Егорка! – и опять.– Егор!

Да только ради этого мать сердце своё отдаст, душу свою отдаст. Хотя – зачем так кроваво? Пригласи, накорми – будь великодушной, будь хозяйкой, этому же и детей учи.

Смели картошку с селёдкой, туда же улетели бутерброды – молодёжь, везде задорна: и в музыке, и в еде. Засобирались.– Спасибо! Спасибо! Вы прелесть! Мать у тебя, Егор, прелесть!

Она им: «А яблоки? Яблоки берите! Чудо яблоки!» Похватили яблоки – пригодятся! Выкатились на улицу. И Егор с ними, на ходу шепнув матери – спасибо!

Ничего не укроешь от матери – заметила слезу в правом глазу сына – стылая, звонкая слеза. Эта слеза многого стоит.

Горда мать – за сына горда, за этих ребят горда. Ведь поняли: не в бедности дело – бедность проходит, человек остаётся. Ведь позвонили, пришли – знать, не последний человек её сын, знать, чего-то стоит. Гордость в душе матери, радость в душе матери – за всех детей радость, за всех, кто умеет дружбу ценить. Дружба – самое лучшее и самое цельное слово на Земле.

А вот и муж рядом. И у него в глазах слёзы, полные глаза слёз – чтоб не обидно было ей, ведь они заодно.

– Как ты сегодня хороша! Как ты у меня хороша, родная! Как же ты у нас хороша!

И пусть завтра у них не будет еды, всё пусть – но они выстояли этот день, они подарили его сыну. Этот день дорогого стоит.

Утром Максима вызвал начальник.

– Я хочу предложить вам небольшой аванс, нет, даже не в счёт будущей зарплаты – в счёт залога нашей дружбы. Вы мне по душе, вы столько знаете. Когда-нибудь я вам предложу сотрудничество, пока же хочу предложить отметить нашу работу походом в ресторан, и обязательно с женами.

Вот оно. Вот оно, счастье. Будь человеком, умей видеть других – и оно пребудет с тобой. Только будь человеком...

25.02.2020 г.

п. Салым

Любовь Неряхина (Любовь Сокол).